

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 31

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1890–1900 гг.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

31

ОБЪЕМНЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1954

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

ПРИБЛИЖЕНИЕ КОНЦА

В нынешнем 1896 году молодой человек Ван-дер-Вер был призван в Голландии к поступлению в национальную гвардию.

На требование командира Ван-дер-Вер ответил следующим письмом:

«Не убий».

Господину Герману Снейдерс.

Командиру национальной гвардии Мидельбургского округа.

Милостивый государь!

- 10 Прошлую неделю я получил бумагу, в которой мне было *приказано* явиться в городскую думу для того, чтобы согласно закону быть зачисленным в национальную гвардию. Как Вы, вероятно, заметили, я не явился; и настоящее письмо имеет целью довести до Вашего сведения откровенно и без обходов, что я не намерен явиться перед комиссией; я хорошо знаю, что подвергаю себя тяжелой ответственности, что Вы можете меня наказать и не преминете воспользоваться этим Вашим правом. Но меня это не страшит. Причины, побуждающие меня проявить этот пассивный отпор, представляют для меня доста-
20 точно значительный противовес этой ответственности.

Лучше, чем большинство христиан, я, будучи, если угодно, не христианином, понимаю заповедь, стоящую во главе этого письма, — заповедь, присущую человеческой природе и разуму. Будучи еще ребенком, я позволял обучать себя солдатскому ремеслу, — искусству убивать; но теперь я отказываюсь! В особенности я не желаю убивать по команде, что является

убийством против совести, без всякого личного побуждения или какого-либо основания. Можете ли Вы мне назвать что-либо более унижительное для человеческого существа, нежели совершение подобных убийств или резни? Я не могу ни убить, ни видеть убийства какого-либо животного, и для того, чтобы не убивать животных, я сделался вегетарианцем. А в настоящем случае мне могли бы «приказать» стрелять по людям, никогда не сделавшим мне никакого зла: ведь не для того же, я полагаю, обучаются солдаты ружейным приемам, чтобы попать в листья или ветки деревьев.

10

Но Вы, быть может, скажете мне, что национальная гвардия должна также и прежде всего содействовать поддержанию внутреннего порядка.

Господин командир, если бы действительно порядок царствовал в нашем обществе, если бы общественный организм был на самом деле здоров, другими словами: если бы не было таких вопиющих злоупотреблений в общественных отношениях, если бы не было дозволено, чтобы один умирал с голода в то время, как другой может позволить себе все прихоти роскоши, — тогда Вы увидали бы меня в первых рядах защитников этого порядка; но я безусловно отказываюсь содействовать поддержанию теперешнего так называемого порядка. К чему, господин командир, пускаться друг другу пыль в глаза? Ведь оба мы отлично знаем, что означает поддержание этого порядка: поддержку богачей против нищих тружеников, начинающих сознавать свои права. Разве мы не видели роли, которую, во время последней стачки в Роттердаме, разыграла Ваша национальная гвардия: без всякого основания эта гвардия должна была целыми часами находиться на службе для того, чтобы защищать имущество угрожаемых торговых фирм. И можете ли Вы на одну минуту предположить, что я поддамся участию в защите людей, которые, по моему искреннему убеждению, поддерживают войну между капиталом и трудом, — что я буду стрелять в рабочих, действующих всецело в пределах своего права. Вы не можете быть настолько слепы! Зачем же усложнять дело? Не могу же я, на самом деле, позволить вылезти из себя послушного национального гвардейца, такого, какого Вы желаете и какой Вам нужен.

20

30

На основании всех этих причин, но в особенности потому, что я ненавижу убийство по команде, я и отказываюсь от службы

40

в качестве национального гвардейца, прося Вас не присылать мне ни мундира, ни оружия, так как я имею непреклонное намерение не употреблять их.

Приветствую Вас, господин командир.

И. К. Ван-дер-Вер.

Письмо это, по моему мнению, имеет очень большое значение.

Отказы от военной службы в христианских государствах начались с тех пор, как в христианских государствах появилась военная служба, или, скорее, с тех пор, как государства, власть которых основана на насилии, приняли христианство, не отказавшись от насилия.

В сущности оно и не может быть иначе: христианин, учение которого предписывает ему смирение, непротивление злу, любовь ко всем, даже врагам, не может быть военным, т. е. принадлежать к сословию людей, предназначенных только для убийства себе подобных.

И потому истинные христиане всегда отказывались и теперь отказываются от военной службы.

Но истинных христиан всегда было мало; огромное большинство людей христианских государств только числились христианами, исповедуя церковную веру, не имеющую ничего общего, кроме имени, с истинным христианством. То, что изредка появлялся, на десятки тысяч поступающих в военную службу, один, отказавшийся от нее, нисколько не смущало те сотни тысяч, миллионы людей, которые каждый год поступали в военную службу.

«Не может же быть, чтобы заблуждалось всё огромное большинство христиан, поступающих в военную службу, а были правы только исключения, часто малообразованные люди, отказывающиеся от военной службы, тогда как архиепископы и ученые люди признают ее совместной с христианством», — говорили себе люди большинства, и спокойно, считая себя христианами, поступали в ряды убийц.

Но вот является человек не христианин, как он сам заявляет о себе, и отказывается от военной службы не по религиозным, а по самым простым причинам, понятным и общим всякому человеку, какого бы он ни был исповедания и какой бы ни был национальности — католик, магометанин, буддист, конфуцианец, испанец, араб, японец...

Отказывается Ван-дер-Вер от военной службы не потому, что он следует заповеди «не убий», и не потому, что он христианин, а потому, что он считает убийство противным разуму человека. Он пишет, что просто ненавидит всякое убийство, и ненавидит его до такой степени, что стал вегетарианцем, только бы не быть участником в убийстве животных; главное же, он говорит, что отказывается от военной службы потому, что считает убийство по приказанию, т. е. обязательство убивать тех людей, которых ему велят убивать (в чем собственно и состоит военная служба), делом несовместимым с достоинством человека. На обычное же возражение о том, что если он не будет служить, и по его примеру не будут служить и другие, то нарушится существующий порядок, он отвечает тем, что он и не хочет поддерживать существующий порядок, потому что порядок этот дурной, такой, в котором властвуют богатые над бедными, а этого не должно быть, так что если бы у него и было какое-нибудь сомнение о том, нужно ли или не нужно служить в военной службе, одна мысль о том, что, служа в военной службе, он оружием и угрозой убийств будет поддерживать угнетающих богатых против угнетенных бедных, заставила бы его отказаться от военной службы.

Если бы Ван-дер-Вер выставлял причиной отказа свою принадлежность к какому-нибудь христианскому исповеданию, люди, которым предстоит поступление в военную службу, могли бы сказать: «Я не сектант и не признаю христианства, и потому не считаю нужным поступать так же». Но причины, выставляемые Ван-дер-Вером, так просты, ясны и так общи всем людям, что невозможно не применить их к себе. Теперь для того, чтобы признать причины эти необязательными для себя, надо сказать: «Я люблю убийство и готов убивать не только врагов, но и своих угнетенных и несчастных соотечественников и не нахожу ничего дурного в том, чтобы обещаться по приказанию первого встречного начальника убивать всех тех, кого он прикажет».

Ведь дело очень просто.

Живет молодой человек; в какой бы среде и семье и исповедании он ни вырос, его учат тому, что надо быть добрым, что очень дурно не только бить и убивать человека, но и животного, учат его тому, что человек должен дорожить своим достоинством, а достоинство состоит в том, чтобы поступать сообразно своей

совести. Этому учат одинаково и китайца-конфуцианца, и японца-шинтоиста или буддиста, и турка-магометанина. И вдруг после того, как его научили всему этому, он поступает в военную службу, где от него требуют обратного тому, чему его учили: ему велят готовиться ранить и убивать не животных, а людей, велят ему отказаться от своего человеческого достоинства и повиноваться в деле убийства неизвестным и незнакомым ему людям. Что может отвечать на такое требование человек нашего времени? Очевидно, только одно: «Не хочу и не буду».

10 Это самое сделал Ван-дер-Вер. И трудно придумать, что можно ответить ему и всем тем людям, которые, находясь в таком же, как и он, положении, должны поступать так же.

Можно не видеть того, на что не обращено еще внимания, и не понимать значения поступка, пока оно не разъяснено, но раз указано и разъяснено, нельзя уже не видеть или притворяться, что не видишь того, что совершенно ясно.

Может найтись и теперь человек, который не думал о том, что он делает, поступая в военную службу; могут найтись и такие люди, которые желают войны с чужими народами, или желают
20 продолжать угнетать рабочих, или даже такие люди, которые любят убийство для убийства. Такие люди могут еще быть военными, но и эти люди теперь не могут не знать, что есть люди, и самые лучшие люди всего мира среди не только христиан, но магометан, браминов, буддистов, конфуцианцев, которые с отвращением и презрением смотрят на войну и военных, и что количество этих людей с каждым часом увеличивается. Никакие аргументы не могут разговорить ту простую истину, что человеку, уважающему себя, нельзя идти в рабство к неизвестному или хотя бы известному, но имеющему убийственные цели,
30 хозяину. А в этом самом только и состоит военная служба с своей дисциплиной.

«Но ответственность, которой подвергается отказывающийся? — говорят мне на это. — Хорошо вам, старику, уже не подлежащему этому испытанию и обеспеченному своим положением, проповедовать мученичество; но каково тем, которым вы проповедуете и которые, поверив вам, отказываются и губят свою молодую жизнь?» — Но что же мне делать? отвечаю я тем, которые говорят мне это. Неужели потому, что я старик, мне надо
40 не указывать на то зло, которое я ясно и несомненно вижу именно потому, что я старик и много жил и думал. Разве человек

находящийся на другой стороне реки и потому недоступный для разбойника, видящий, как этот разбойник хочет заставить одного человека убить другого, не должен кричать убивающему человеку, чтобы он не делал этого, хотя бы такое вмешательство озлобило бы еще больше разбойника? Кроме того, я никак не вижу, почему правительство, подвергая гонениям тех, которые отказываются от военной службы, не обратит свои кары на меня, признав меня подстрекателем этих отказов. Я не настолько стар, чтобы не мог подвергнуться гонениям и всякого рода казням, и положение мое вовсе не ограждает 10
меня. Во всяком случае будут или не будут осуждать и преследовать меня, будут или не будут осуждать и преследовать тех, которые отказываются от военной службы, я, пока жив, не перестану говорить то, что говорю, потому что не могу перестать поступать по своей совести.

Тем-то и могущественно и непобедимо христианство, т. е. учение истины, что оно, для воздействия на людей, не может руководствоваться никакими внешними соображениями. Молод или стар человек, подлжит он за это гонениям или нет, человек, усвоивший себе христианское, т. е. истинное жизнепонимание, не может отступить от требований своей совести. В этом 20
сущность и особенность христианства от всех других религиозных учений и в этом его неодолимое могущество.

Ван-дер-Вер говорит, что он не христианин, но мотивы его отказа и поступок его христианские: отказывается он потому, что не хочет убивать брата; не повинуется же потому, что веление его совести для него обязательнее повелений людских. От этого-то и особенно важен отказ Ван-дер-Вера. Отказ этот показывает, что христианство не есть какая-либо секта или исповедание, которого могут держаться одни люди и не дер- 30
жаться другие, но что христианство есть не что иное, как следование в жизни тому свету разумения, который просвещает всех людей. Значение христианства не в том, что оно предписывало людям такие или иные поступки, а в том, что предвидело и указывало тот путь, по которому должно было идти и пошло всё человечество.

Люди, поступающие теперь добро и разумно, поступают так не потому, что следуют предписаниям Христа, а потому, что то, что 1800 лет назад высказывалось как направление деятельности, теперь стало сознанием людей. 40

Вот потому-то я и думаю, что поступок и письмо Ван-дер-Вера имеют большое значение.

Как пущенный по степи или по лесу огонь до тех пор не потушается, пока не выжигает всего сухого, мертвого, и потому подлежащего горению, так и раз выраженная словом истина до тех пор не перестанет действовать, пока не уничтожит всю ту ложь, подлежащую уничтожению, которая со всех сторон окружает и скрывает истину. Огонь долго тлеет, но как скоро он вспыхнул, он сжигает всё сгорающее очень скоро. Так же и мысль долго просится наружу, не находя выражения; но стоит ей ¹⁰ найти ясное выражение в слове, и ложь и зло уничтожаются очень скоро. Одно из частных проявлений христианства — мысль о том, что человечество может жить без рабства, хотя и включена была в идею христианства, ясно была выражена, как мне кажется, только у писателей конца 18 столетия. До этого же времени не только древние язычники — Платон и Аристотель, но люди близкие к нам по времени и христиане не могли себе представить человеческого общества без рабства. Томас Мур не мог себе представить и Утопию без рабства. ²⁰ Точно так же и люди начала нынешнего столетия не могли себе представить жизни человечества без войны. Только после наполеоновских войн была ясно выражена мысль о том, что человечество может жить без войны. И вот прошло сто лет с тех пор, как ясно была выражена мысль о том, что человечество может жить без рабства, и среди христиан уже нет рабства; и не пройдет ста лет после того, что ясно была выражена мысль о возможности человечеству жить без войны, и войны не будет. Очень может быть, что уничтожится война не совершенно, как не совершенно уничтожено рабство. Очень может быть, что ³⁰ военное насилие еще останется, как остался наемный труд после уничтожения рабства, но во всяком случае будут уничтожены война и войско в той противной и разуму и нравственному чувству грубой форме, в которой они существуют теперь.

Признаков того, что время это близко, очень много. Признаки эти в безвыходном положении правительств, всё увеличивающихся и увеличивающих свои вооружения, и в всё растущей тяжести податей и недовольстве народов, и в доведенной до последней степени убийственности военных орудий, и в деятельности ⁴⁰ конгрессов и обществ мира, главное же в отказах вообще

отдельных лиц от военной службы. В этих отказах — ключ к разрешению вопроса.

«Вы говорите, что военная служба необходима, что если бы ее не было, нас постигли бы страшные бедствия. Всё это может быть, но с тем понятием о добре и зле, которое обще всем людям нашего времени и вам самим, я не могу убивать людей по приказанию. Так что, если военная служба, как вы говорите, очень нужна, то устройте ее так, чтобы она не была в таком противоречии с моею и вашею совестью. Пока же вы не устроили этого, а требуете от меня того, что прямо противно ей, я никак не могу повиноваться».¹⁰

Так неизбежно должны ответить, и в очень скором времени, все честные и разумные люди не только нашего христианского мира, но и магометане и так называемые язычники — брамины, буддисты и конфуцианцы. Может быть, по инерции военное дело еще продержится некоторое время, но вопрос уже решен в сознании людей, и с каждым днем, каждым часом всё большее и большее число людей приходит к тому же решению, и остановить это движение уже нет никакой возможности.

Всякое признание людьми какой-либо истины или скорее²⁰ освобождение от какого-либо заблуждения — так это было на наших глазах с рабством — достигается всегда борьбою между уяснением сознания людей и инерцией прежнего состояния.

Сначала инерция так сильна и сознание так слабо, что первая попытка освобождения от заблуждения встречается только удивлением. Новая истина представляется безумием. «Разве можно жить без рабства? Кто же будет работать? Разве можно жить без войны? Всякий придет и завокет нас». Но сила сознания всё растет, инерция всё ослабевает и удивление всё³⁰ сменяется насмешками и презрением. «Священное писание признает господ и рабов. Такое отношение существовало вечно; и вдруг нашлись такие умники, которые хотят переделать весь мир», — говорили о рабстве. «Все ученые и мудрецы признавали законность и даже святость войны, и вдруг мы поверим, что не нужно воевать!» — говорят о войне. Но сознание всё растет и уясняется: людей, признающих новую истину, становится всё больше и больше, и насмешки и презрение сменяются хитростью и обманами. Люди, поддерживающие заблуждение, делают вид, что они понимают и признают несообразность,⁴⁰

жестокость той меры, которую они защищают, но считают уничтожение ее невозможным теперь, откладывая ее уничтожение на неопределенное время. «Кто же не знает, что рабство дурно, но люди еще не готовы для свободы, и освобождение произведет страшные бедствия», — говорили про рабство 40 лет тому назад. «Кто же не знает, что война есть зло? Но пока человечество еще так зверообразно, уничтожение войска произвело бы больше зла, чем добра», говорят теперь про войну. Но мысль делает свое дело, растет и сжигает ложь, и наступает то время, когда безумие, беспечность, вред и безнравственность заблуждения до такой степени ясны (так было на нашей памяти с рабством в 60-х годах в России и Америке), что уже нельзя защищать его. Так это теперь в деле войны. Как тогда уже не пытались оправдывать рабство, а только поддерживали его, так и теперь уже не пытаются оправдывать войну и войско, а только отмалчиваются, пользуясь той инерцией, которая еще поддерживает войну и войско, зная очень хорошо, что вся эта кажущаяся столь могущественной жестокая и безнравственная организация убийства всякую минуту может рухнуть с тем, чтобы никогда уже не возобновляться. Но стоит просочиться сквозь плотину одной капле воды, или из огромного здания вывалиться одному кирпичу, или из самой твердой сети распусться одной петле, и прорывается плотина, заваливается здание, распускается сеть. Такой каплей, таким камнем, такой распущенной петлей представляется мне отказ Ван-дер-Вера, мотивированный причинами, общими всему человечеству. За отказом Ван-дер-Вера должны последовать всё чаще и чаще такие же отказы, а как только таких отказов будет много, так тотчас же те самые люди, которые вчера еще говорили (а имя им легион), что без войны нельзя жить, скажут, что они уже давно проповедуют безумие и безнравственность войны, советуют вам поступать так, как поступил Ван-дер-Вер, и от войны и войска в том виде, в котором они существуют теперь, останется одно воспоминание.

И время это близко.

Ясная Поляна
24 сентября 1896.

КОММЕНТАРИИ

«ПРИБЛИЖЕНИЕ КОНЦА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Голландский писатель и журналист Ван Дэйль, поздравляя 12/24 августа 1896 г. Толстого с днем его рождения, приложил к своему письму копию заявления, посланного его соотечественником, «молодым социалистом» Ван-дер-Вером командиру национальной гвардии Герману Снейдерсу.

Ни Ван Дэйль, ни Ван-дер-Вер лично не были знакомы с Толстым. Выражая желание предать широкой гласности это заявление, Толстой 23 августа просил Ван-дер-Вера сообщить, будет ли он иметь что-нибудь против этого (см. т. 69). Ответное письмо Ван-дер-Вера не сохранилось. Вероятно, в этом несохранившемся письме Ван-дер-Вер дал согласие на предание гласности своего заявления, и Толстой, получив это согласие, тут же и начал писать статью по поводу его заявления. 1 сентября 1896 г. он закончил черновую редакцию статьи (см. описание рук. №№ 1 и 2).

Вначале Толстой озаглавил статью: «Carthago delenda est»,¹ но потом это название изменил на «Приближение конца». Последняя авторская дата в рукописях — 24 сентября 1896 г., вошедшая потом в печатный текст. Но Толстой и после 24 сентября еще работал над своей статьей и закончил ее не позднее 30 сентября 1896 г. В этот день он послал статью Эугену Шмиту для опубликования ее в немецкой печати.² Позже, в первой половине октября, он переслал статью Джону Кенворти и Шарлю Саломону для опубликования ее в английской и французской печати.³

Впервые статья Толстого опубликована во французской газете «Journal des Débats» 24 октября 1896 г. под заглавием «Les temps sont proches» в сокращенном виде. Ее перевод был сделан Шарлем Саломоном совместно с профессором П. Буайе.

На русском языке статья была издана В. Г. Чертковым в Лондоне в 1897 г. (изд. «Свободное слово»). В этом издании после слов: «Кто же не знает, что война есть зло?» судя по рук. № 14. пропущена фраза,

¹ «Карфаген должен быть разрушен».

² См. письмо Толстого к Эугену Шмиту от 30 сентября 1896 г. (т. 69).

³ См. письма Толстого к В. Г. Черткову от 12 октября (т. 87, стр. 374), к Джону Кенворти от 17 или 18 октября (т. 69) и к Д. П. Маковицкому от 19 октября (т. 69).

связывающая предыдущий текст с последующим: «Но пока человечество... говорят теперь про войну» (см. печатный текст, стр. 86, строки 6—9).

В 1911 г. статья Толстого под заглавием «Приближение конца», с большим цензурным пропуском, вошла в Собрание сочинений Толстого (изд. 12-е, часть 19-я).

— В настоящем издании статья печатается по изданию «Свободного слова». Опечатки и ошибки исправляются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 4 лл. F^o, исписанных с обеих сторон. Черновая редакция статьи, без заглавия и без конца.

2. Копия автографа рукой М. Л. Оболенской с большими авторскими исправлениями. 15 лл. 4°. На лицевой странице л. 15 дата рукой М. Л. Оболенской: «1 сентября 1896 г.», перенесенная из предыдущей рукописи. На обороте л. 15 — продолжение статьи рукой Толстого с его подписью и датой: «7 сент. 1896. Я. П.». *Начало*: «В нынешнем 96-м году». *Конец*: «будут поступать в военную службу?»

3. Копия предыдущей рукописи рукой Н. Л. Оболенского с большими авторскими исправлениями и дополнениями. Копия неполная (без начала), с ошибками. 27 лл. 4° (из них 9 лл. — дубликат, без поправок Толстого). *Начало*: «Письмо это, по моему мнению». *Конец*: «против угнетенных бедных».

4. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукой М. А. Шмидт с авторскими поправками. 4 лл. 4°. *Начало*: «чениям, отказываясь от военной службы». *Конец*: «Carthago delenda est».

5. Копия окончания предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями. 3 лл. 4°. На л. 3 подпись и дата рукой Толстого: «19 сентября 1896». *Начало*: «Всякое признание людьми». *Конец*: «Carthago delenda est».

6. Копия несохранившейся части предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого. 1 л. 4°. *Начало*: «Признаков того». *Конец*: «начало освобождения».

7. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской, с авторскими исправлениями, с заглавием: «Carthago delenda est». 2 лл. 4°.

8. Копия начала предыдущей рукописи рукой М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями и дополнениями, с заглавием: «Carthago delenda est», переправленным Толстым на «Приближение конца». 3 лл. 4°. *Начало*: «Выраженная словом истина». *Конец*: «нужно так ма[ло]».

9. Копия (начало) несохранившейся рукописи рукой М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого и с заглавием «Приближение конца». 1 лл. 4°. *Начало*: «В нынешнем 96 году». *Конец*: «национальной гвардии».

10. Полная копия всей статьи рукой М. Л. Оболенской и М. А. Шмидт с большими авторскими поправками, с заглавием: «Приближение конца». 24 лл. 4° (л. 24 чистый). На обороте л. 23 — окончание статьи рукой Тол-

стого, с его подписью и датой: «20 сент. 96. Я. П.». *Начало*: «В нынешнем 96-м году». *Конец*: «установления царства божия».

11. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукою М. А. Шмидт (карандашом) с авторскими исправлениями. 4 лл. 4°. *Начало*: «не перестану говорить». *Конец*: «наступить всякий час».

12. Рукописный материал. 4 лл. 4°. *Начало*: «что рабство дурно». *Конец*: «И время это близко».

13. Полная копия статьи рукою Н. Л. Оболенского и М. А. Шмидт с авторскими исправлениями, с датой и подписью на последнем листе: «24 сентября 96 года. Ясная Поляна. Л. Толстой», перенесенными переписчицей из неизвестной рукописи, копией которой является данная рукопись. В данную рукопись перенесены поправки Толстого из рук. № 14. 23 лл. 4°. *Начало*: «В нынешнем 96-м году». *Конец*: «И время это близко».

14. Полная копия статьи рукою М. А. Шмидт и М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями. 23 лл. 4° и 1 отрезок. *Начало*: «В нынешнем 96-м году». *Конец*: «И время это близко».